

84(2=411.2)6
Ф 33 кр

ВИКТОР ФЕДОРОВ

Морские ИСТОРИИ

147116

84(2=411.2)6кр
Ф 33

Виктор Фёдоров

Морские истории

147116

25-07

Литературный клуб «Элегия»
г. Находка, 2013

Городская
библиотека-музей

ЦБС
г. Находка

ББК 85 313.3

О-96

Виктор Фёдоров, “Морские истории”, повесть и рассказы.

Подготовлено к печати: литературный клуб “Элегия”.

г. Владивосток, 2013 г., 310 стр., тираж 500 экз.

ISBN 978-5-91849-038-9

В книге представлена повесть, в которой рассказывается о том, насколько труден бывает путь в море, и как на всех стадиях этого пути жизнь предлагает сложные обстоятельства, в которых и выковывается характер, воля и честь человека.

Рассказы представляют собой сборник из тридцати девяти рассказов, каждый из которых имеет под собой реальную основу.

Кроме авторских, сюжеты для рассказов, рассказывающих о различных гранях жизни моряков, любезно предоставлены моряками как гражданского, так и военного флота, за что автор благодарен своим однокашникам по ДВВИМУ им. адмирала Г.И.Невельского, а также друзьям и коллегам-морякам Тихоокеанского флота, принявшим участие в создании этого сборника.

В авторской редакции.

Дизайн обложки: Анна Малюга

Макет, вёрстка: Денис Кабелев

ISBN 978-5-91849-038-9

© Федоров В.Ф., 2013

© ООО «Рея», 2013

Моим друзьям и коллегам, курсантам первой роты (1972 г.) ДВВИМУ имени адм. Г.И.Невельского и их друзьям – морякам, поделившимся частицей своего морского опыта для этой книги, посвящается.

Матросский вальс

повесть

Папироса

Сон не шел. Андреич ворочался, пытался считать что-то бесконечно однообразное, но вскоре сбивался и бросал это бесполезное занятие, потому что, сбившись, начинал злиться и сон уходил еще дальше, чем был до начала счета. Такое с ним случалось в последнее время все чаще и чаще. Раньше стоило только приложиться к подушке, и сознание как будто выключалось кем-то невидимым и точно знавшим, где находится этот выключатель.

Раньше... Андреич поймал себя на том, что все чаще и чаще употребляет это слово, все больше обращается в раздумьях к тому, что вроде бы, как и прошло уже, а вот, продолжает жить в нем какой-то самостоятельной, активной жизнью, обрастая какими-то подробностями, странностями и неясностями. Все детали этих воспоминаний были такими четкими, ясными и понятными, что Александр Андреич уже и сам не понимал, что из этого он действительно помнил, а что услужливо подсунуло ему воображения. Да и что говорить, разве ж можно помнить все так вот, до волоска на плече, до родинки через столько лет? И вообще, что он помнил в этой жизни?

С этой мыслью Андреич успокоился, забыл про бессонницу. Ее тоска и никчемность мгновенно заполнились смыслом и, повернувшись всем телом, привычным движением, не открывая глаз, он протянул руку и взял с тумбочки беломорину из разорванной пополам пачки. Дунув в нее, постучал картонным мундштуком по ногтю. Кто и когда научил его так делать, он не помнил, но делал так всегда с тех пор, как начал курить, а тот день он хорошо запомнил!

Мать вернулась с работы немного раньше обычного. Санька только что закончил делать уроки и собирался бежать на улицу, где наверняка уже гоняли мяч Толян и Вовка.

—Сынок, ты все, сделал уже уроки? — спросила она, снимая телогрейку.

—Ага, сделал. Сегодня совсем мало задали.

–И куда ты сейчас? – спросила мать.

–Как куда? – удивился Санька, – на улицу, с пацанами гулять.

–А долго будешь там? Когда вернешься? – каким-то непривычным, заискивающим тоном спросила мать. Это было что-то новое, и Санька насторожился.

–А что?

–Да нет, ничего... Евгений Петрович должен зайти. По делу.

–По какому делу?

–Да так, тебе не интересно. Да и ни к чему совсем, – почему-то сильно покраснев, добавила мать и вышла из комнаты.

Санька попробовал переварить услышанное, но никак не мог понять, какие общие дела могут быть у огромного, как медведь, милиционера из соседнего дома и его матери, хрупкой, маленькой официантки из заводской столовой. Не хватило для этого ему, тринадцатилетнему домашнему пацану, ни знаний, ни опыта. Недостающие знания и опыт нашлись у Толяна и Вовки. Близнецы, они были старше Саньки на два года, но главное – числились у бабушек, вечно сидящих на лавочке у входа в подъезд соседнего, такого же двухэтажного деревянного барака, главными хулиганами во дворе. Они уже побывали не по одному разу в милиции и, судя по их рассказам, щупали по случаю девчонок из старшего класса. Санька, как и другие ребята во дворе, в это мало верил, но все равно, чуточку завидовал им. И вообще, у него сложились странные отношения с близнецами. Он и сам не понимал, как к ним относится. Временами просто восхищался ими, иногда немножко завидовал их независимости, умению всегда, в любой ситуации, быть наверху. Иногда же Санька ненавидел их. Причина была простой – эти ребята никому не прощали слабости. Не прощали они этого и Саньке, мягкому, спокойному и даже домашнему пацану. Задирая и даже немножко издеваясь над ним, близнецы старались вызвать его на что-то такое, к чему он не был готов. Случалось это не часто. Чаще цепляли пацанов из соседнего барака.

Саньку тянуло к близнецам. Тянуло сильно, как может тянуть младшего к старшим, слабого к сильным. Так было и в тот день. Братья достали из карманов по папиросе и закурили. Санька с завистью смотрел, как это у них красиво получалось. По-мужицки, крепко затягиваясь, они пускали дым то кольцами, то густым облаком, окутывающим лица. А еще дым выходил из ноздрей... Санька заморожено смотрел на этот, недоступный ему процесс.

–Что, хочется попробовать? – спросил Толян.

–Ага, попробует! Ему маманька штанишки спустит и ремешка даст за это, – с ядовитой ухмылкой сказал Вовка.

–Так мы боимся, мы маленькие! – рассмеялся Толян.

–Ничего я не боюсь, – окрысился Санька, – давай папиросу. Чего мне бояться? Не пять лет.

–Ага, не пять, – засмеялся Толян, вынимая из кармана мятую пачку.

–Ты втяни дыма немного и вдохни, – вовремя подсказал Вовка, потому что Санька не имел понятия, как курят – просто набирают дым в рот или вдыхают его.

Санька затянулся, вдохнул и закашлялся. Слезы катились из глаз. Ему было очень стыдно, но мальчишки не смеялись.

–Я тоже, когда начинал, кашлял сильно, а потом прошло, – сказал Толян.

–Все кашляют, – подтвердил Вовка.

И правда, вторая затяжка была легче. Дальше – проще. Санька вдыхал противный, тяжелый дым и чувствовал, как начало першить в горле и затуманилась голова. Подавляя подступающую тошноту, Санька браво бросил докуренную до картонного основания папиросу под ноги и затоптал окурок.

–Что-то участковый к нам должен зайти, чего ему понадобилось? Вроде бы, как ничего не натворил, – заговорил Санька, только чтобы не молчать. Больше всего на свете он боялся выдать, как ему плохо сейчас.

–Да все понятно, этот легавый к мамке твоей давно клеится! – сказал Толян.

–Ну да, как же! Видел я их пару раз вместе за столовкой. Голубки... – добавил Вовка.

Все было бы ничего, если бы не Вовкина поганая улыбочка. Санька смотрел на его тонкие, злые губы и, хоть он и не говорил больше ничего, угадывалось все то грязное и подлое, что они, близнецы, могли сейчас сказать. В глазах у Саньки потемнело. Вся обида на мать, на соседа-милиционера, на Вовку с Толяном за свою вечную зависть к ним, на себя за то, что слабак такой – курить не смог как «нормальный пацан», прилила с кровью к лицу.

–Не трогай мою мать, – с угрозой сказал он Вовке.

–Ой, как страшно! А еще чего прикажешь? – кривляясь и продолжая издевательски улыбаться, спросил Вовка, – А может, к хахалю ейному

побежишь, чтобы забрал меня в кутузку? Так ему же, небось, некогда сейчас тобой заниматься!

—Ага! А мы все равно, по-родственному!— заерничал Толян,— «Дяденька, вы с мамки-то пока слезьте. Там меня пацаны обижают, заберите их, а уж потом — пожалуйста!»

—А-а, суки! — совершенно неожиданно для самого себя заорал Санька и, впервые в жизни, стремительно выбросил кулак вперед, как бы посылая с ним все свое тело и всю свою ненависть в это лицо с кривым, смеющимся ртом.

Вовка даже не успел убрать улыбку. Губы его расквасились под сухим, костлявым Санькиным кулаком. Все дальнейшее происходило как в тумане. Он бил и бил, не очень понимая, кого и куда. То мимо, то попадая во что-то скользкое. Его тоже били, но он не чувствовал боли. Потом все пропало, как будто кто-то задернул плотные шторы. Последним, что он еще слышал сквозь темноту, был отчаянный женский крик.

Болел Санька недолго. Уже на второй день, сидя в постели, помаленьку отхлебывал разбитыми губами горячий суп. Думать о случившемся не хотелось. На душе было тяжело. Врач из медсанчасти завода, которого привела мать, отпросившаяся пораньше с работы, долго осматривал Саньку, крутил и щупал. Встав по команде доктора, Санька закрыл глаза, вытянул руки и тут же почувствовал, как его подхватили. Мать, стоявшая неподалеку, охнула.

—Ничего, ничего страшного,— успокоил ее доктор, усаживая Саньку на кровать,— небольшой нервный срыв, потому и головокружение. Нужно будет полежать пару деньков, все и пройдет. Я сейчас микстурку пропишу, она поможет молодому человеку быстрее поправиться.

Братья больше не трогали Вовку. Нет, они не боялись его, но после этого случая они, да и все пацаны из окрестных дворов, стали относиться к нему иначе. Вокруг него образовалась пустота, зона, в которую никто не решался входить. Если бы спросили тогда, нравится ему это или нет, вряд ли он сумел бы ответить однозначно. С одной стороны, ему нравилось то уважение, которое выказывали пацаны, а с другой, Санька чувствовал, что обретя его, потерял другое — легкие, свободные отношения с ребятами. Это было безопасно, но неприятно. Однако, этот новый его образ вполне пришелся к внутреннему миру Саньки, и он постепенно превращался в молчаливого, одинокого человека. Учился хорошо. Был как все. В шумных играх не участвовал.

К братьям его больше не тянуло, да и они не особо стремились к общению с ним.

И вообще, Санькина жизнь начала довольно быстро меняться. Прежде всего, в их несытую, но тихую и уютную жизнь вошел Евгений Петрович. Сначала это были просто частые появления в их доме по вечерам, с обязательной палкой вареной колбасы, бутылкой водки и кулечком конфет. Мать варила картошку, они ужинали, и потом Санька оставался один в комнате с диваном и телевизором, а они уходили в спальню. Через какое-то время Евгений Петрович уходил.

Мать часто обнимала Саньку и спрашивала, нравится ли ему Евгений Петрович. Санька не знал, что ответить и почему-то сильно смущался. Нет, он действительно не знал, что ей ответить! Ревности не было. Мать стала веселой, более спокойной и даже равнодушной к окружающему ее миру. Ей хватало этого маленького, уютного мирка ее дома. Санька тоже спокойно воспринимал присутствие чужого мужчины в доме. Общих тем для разговоров с ним не было. В Санькины дела он не лез. Перекидывались по необходимости парой «дежурных» фраз и все. Обоих устраивал сложившийся нейтралитет.

В один из таких вечеров Евгений Петрович остался у них ночевать и больше уже не уходил, кроме как на службу. Получилось это как-то буднично, спокойно, без особых разговоров и объяснений. Саньке было все равно, он уже привык к нему. Так привыкают к новой вещи в доме, большой и никчемной, поскольку новый мужчина в доме не очень интересовался торчащими в половицах гвоздями, покосившейся дверцей старого, довольно примитивного шкафа и перегоревшими лампочками. Все это по-прежнему было Санькиной заботой. В тарелках чаще стало появляться мясо.

К концу восьмого класса, когда Саньке исполнилось пятнадцать лет, в голове его твердо созрела мысль уйти из дома. Куда, пока не знал, но то, что он должен сделать и сделает это, сомнений не вызывало. Мысли об этом переполняли Саньку. Они не давали спать, не давали заниматься ничем. Ему нужно было с кем-то поделиться. Однажды, переборов себя, он решил поговорить об этом с Петровичем, как тот попросил звать себя. Сидя за столом, Петрович медленно, сосредоточенно чистил свой наган. Слушая Саньку, он ни разу не прервал его и не поднял головы.

—Ну, что же,— помолчав и пыхнув «Беломором», сказал Петрович, глядя в глаза Саньке,— уважаю, если сам решил, если продумал все.

Надеюсь, не из-за меня?

–Нет!– твердо ответил Санька, сам удивленный этим ответом. Еще полчаса назад он вряд ли смог бы так категорично на него ответить, а сейчас ответил и сделал это совершенно искренне.

–Вот и хорошо. Молодец! Ладно, постараюсь что-нибудь сделать, помочь тебе. Думаю, все получится - есть у меня пара мыслишек на этот счет. Только ты матери-то не говори пока. Незачем тревожить раньше времени. Ладно, держи краба, мужик, все будет хорошо!– с этими словами Петрович встал и подал изумленному Саньке свою лапищу.

–Да я же во флоте служил всю войну, во Владике,– засмеялся Петрович,– вот и вылетают иногда словечки из юности моей.

По пути в клуб, где должны были крутить какой-то фильм, в душе у Саньки пели соловьи! В этих местах они не водились, и он никогда не слышал, как они поют, но был абсолютно уверен, что услышь он это пение, настроение будет именно такое. Мысль о грядущих переменах не была больше темной тучей над неясным горизонтом, да и разговор об этом с матерью не казался больше чуть ли не смертным грехом. Впервые в жизни у него появился человек, которому можно рассказать тайное и который сможет все понять, а возможно и помочь.

Неделя прошла обычно, и Санька даже начал разочаровываться в Петровиче. Ни слова, ни намек на тот разговор. Никаких последствий. Только в следующий выходной Петрович мимоходом бросил:

–Потолковать бы надо. Мать уйдет – не убегай.

–Ага,– буркнул Санька, стараясь не выдавать, насколько это взволновало его.

–Так вот, Санёк,– закуривая, Петрович протянул пачку и ему,– потолковал я с корешком-то, с которым служил. Есть у него предложение. Работает он в мореходном училище. Говорит, что на неплохой должности и сумеет помочь на первых порах. В аккурат, после твоих экзаменов там начинается набор и вступительные экзамены. Так что, подумай и решай. Согласен - начнем готовиться. Нет – еще поищем чего, чтобы для души было. Так что, думай.

Изо всех сил Санька держался, чтобы не заорать от нахлынувших чувств. Папироса предательски дрожала в пальцах.

–Ага, я подумаю,– ответил почти спокойно. Больше сил сдерживаться не осталось, и Санька расплылся в широченной улыбке.

–Лады, значит все нормально,– сказал Петрович и тоже улыбнулся.

Несколько дней Санька не мог успокоиться. Днем и ночью, проснувшись, думал только о том, как он будет смотреться в матросской форме и каково это – быть на корабле, в море.

За неделю до экзаменов состоялся разговор с матерью. То ли Петрович все же рассказал обо всем, то ли еще что повлияло, но известие о Санькином решении приняла спокойно, без излишних эмоций.

– Вот ты и становишься взрослым, сынок, – только и сказала она, глядя на Саньку полными слез глазами.

Теперь Санька был свободен. Оставалось одно – рассчитаться со школой и – вперед, к океану-морю синему! Петрович долго говорил с ним о том, что экзамены нужно сдавать как следует, чтобы наверняка поступить в мореходку, да Санька и сам понимал это. Впрочем, он не боялся учебы. С этим никогда не возникало проблем. Она давалась ему легко, без натуги. Мать никогда не знала, что у него в школе, какие изучает науки и какие оценки получает. На редких родительских собраниях учителя не ругали его, правда и не хвалили особо. Экзамены сдал очень неплохо, с чем его и поздравил Петрович.

– Ну, что же, поздравляю. Ты неплохо поработал. Думаю, вполне готов ехать. Завтра же звоню корешу.

Все дальнейшее происходило стремительно. Через пару дней на диване лежала стопка белья и одежды. Петрович достал из-под кровати небольшой, выдавший виды чемодан.

– На раз, доехать, хватит, а там он тебе не понадобится больше. В училище оденут, накормят, пересчитают и спать уложат. Дальнейшее жизнь покажет.

Ранним утром, еще в потемках, шли они по кривым, словно после бомбежки, улочкам на станцию. Мать пару раз останавливалась, и они с Петровичем о чем-то шептались.

– Мам, ты чего? – спросил Санька, когда она в очередной раз остановилась и, бросившись к покосившемуся забору, закашлялась там.

– Чего, чего, – передразнил, улыбаясь Петрович, – Да нормально все! Братишку или сестренку тебе задумали. Вот чего!

– А-а... – протянул Санька, совершенно не зная, как реагировать на эту новость.

– Вот тебе и «а», – засмеялся Петрович и шутливо ткнул Саньку кулаком в плечо.

Проходящий московский скорый прибыл в положенное время. Сонные проводницы открыли дверь.

–А вот и наш вагон,– сказал Петрович. Дверь остановилась в двух метрах.

–Стоянка три минуты,– хрипло сказала молодая, круглолицая проводница в железнодорожной форме, поеживаясь от утренней прохлады и зевая в кулак.

–Ага, поняли. Красавица, ты уж посмотри за парнем, чтобы все было нормально,– обратился к ней Петрович.

–А куда едет-то?

–До конца, во Владик.

–Довезем,– улыбнулась проводница,– ежели не сбежит по пути.

–Не сбежит, учиться едет!

–Небось, в мореходное какое-нибудь?

–В мореходное.

–Тогда точно, не сбежит! – снова улыбнулась она и тут же всполошилась,– Это чего мы тут лясы точим, а? Сейчас тронемся. Живо в вагон! Ты, паренек, залезай и стой здесь, в тамбуре. Я сама покажу тебе твое место. Ты постель брать будешь?

–Будет, будет! – сказала мать, целуя Саньку быстрыми сухими поцелуями.

–Ну, держись, сынок! Не посрами!– сказал Петрович и, слегка прижав Саньку к себе, развернул его и подтолкнул к ступенькам.

Санька поднялся, и поезд тут же медленно тронулся.

–Как приедешь – напиши!– крикнула мать.

–Хорошо, напишу! – ответил ей Санька из-за спины проводницы, стоящей в дверном проеме с желтым флажком в руке.

Поезд быстро набирал скорость, и вскоре за окнами пропали все признаки человеческой деятельности. Деревья, кусты, да ручьи быстро мелькали в окне. Больше - ничего. Если бы не столбы с проводами вдоль путей, да разные железнодорожные причандалы, то вполне можно было представить себе, что летишь над этими кустами не по рельсам, а по воздуху, среди нетронутой, дикой тайги...

–Что, не насмотрелся? – прервала его мысли проводница,– Еще надоест, сутки ехать. Идем, покажу тебе место, постель выдам, да чаем напою. Как звать-то?

–Санька.

–Вот, прямо так! Меня же тоже Санькой зовут, – засмеялась проводница,– тезки мы. Значит, сладимся!

Поезд мчался и мчался, с каждой минутой увозя Саньку все дальше

и дальше в неизвестность. Что его там ждет? Калачи с пряниками или кулаки с пинками? Мысли эти неизменно возвращали Саньку к одной и той же отправной точке - а правильно ли он сделал, так ли это ему нужно? Ответа не было. И тогда сознание выработало и подало очень удобную формулу. Санька даже обрадовался ее простоте. Получалось очень логично и замечательно. Ведь, если Петрович поддержал, а мать не воспрепятствовала, значит все правильно? Было бы что не так - они бы сказали, поправили? Значит, ежели что, так он вроде бы, как и ни при чем? Красота!

-Дурак!- сказал Санька, улыбаясь в душе такой своей логике.

-Да? Что ж так-то? - громко спросила, оторвавшись от книжки, пожилая женщина напротив и улыбнулась. Девушка рядом тоже улыбалась, прикрывая рот ладошкой.

-Ой,- смутился Санька,- я вслух... Это случайно вырвалось!

-Бывает! - отозвался мужичок с верхней полки,- Я сам иногда, после нескольких стопочек...

-Какие стопочки?!- возмутилась женщина,- Окстись, старый! Ребенок же совсем!

-Да ладно тебе, Валь! Я же так, к слову, для темы...

Девушка уже открыто засмеялась хорошим, приятным смехом. Улыбался и Санька. Заметно полегчало, да и солнышко вставало уже - освещенные первыми лучами, верхушки проносящихся деревьев сияли ранней, изумрудной зеленью. Кто-то недалеко открыл окно, и в душном, спертom воздухе вагона повеяло лесными запахами.

-«А будь, что будет! - подумал Санька,- Разберемся!»

Присяга

Медленно, словно специально, давая пассажирам возможность рассмотреть новые картинки за окнами, поезд подтягивался к Владивостоку. Спокойные, зеленовато-серые воды моря, пустынные пока еще пляжи. Для Саньки, выросшего в таежном поселке, это было волшебством! Он никогда не видел столько много воды. Были в его жизни речки, озера небольшие, но такое...

-«Обустроюсь - обязательно схожу к морю. А потом обязательно попробую порыбачить,- подумал Санька,- ведь не может же быть, чтобы в этой воде не водилась рыба! Она здесь, наверное, такая же большая, как и само море! Даже берега противоположные еле-еле

виднеются! Наверное, это Япония уже?» – вспомнился атлас, который он рассматривал перед отъездом.

Пляжи за окном сменились огромными, непривычными для глаза массивами микрорайонов. Серые панельные дома, красные кирпичные... Их было так много, что в глазах рябило. Санька с ужасом смотрел и думал о том, сколько же людей в них живет! Наверное, как в муравейнике муравьев!

–«Интересно, чем там люди занимаются сейчас? Завтракают, умываются, собираются в школу, на работу, – думал Санька, – и все они не имеют ни малейшего понятия о том, что это он, Санька, едет сейчас в этом вагоне! Может быть, кто-то из них в это мгновение смотрит в окно и видит этот поезд, но даже не подозревает, что с ним, едущим в пятом вагоне, происходит самое главное событие в его жизни!»

Улыбнувшись своим мыслям, по примеру соседей, Санька стал сворачивать свою постель.

–Санек, доброе утро! – сказала внезапно появившаяся рядом проводница, – вот тебе бумажка. В ней – мои имя, фамилия и телефончик Московский. Ежели что, я на этом поезде езжу каждые две недели. Передать чего понадобится – обращайся. И родителям отпиши. Отсчитывайте ровно по две недели и будет точно в этот день!

–Спасибо! – только и нашелся он, что сказать, принимая бумажку, исписанную аккуратным девичьим почерком.

–А мне такую бумажку дашь? – спросил, невесть откуда взявшийся, молодой парень в тельняшке и с полотенцем на шее.

–Ага, только в очередь становись. Ты сотым будешь! – мгновенно, не задумываясь, выпалила Санька-проводница и сама себе засмеялась.

–У, жадина! – рассмеялся парень, – Пойду с горя зубы чистить!

Поезд очень медленно наползал на низкую платформу вокзала. Встречающих было совсем мало. Саньку не должны были встречать. В нагрудном кармане куртки лежала бумажка с телефонным номером. Проводница, пожелав ему удачи, занялась своими делами. Санька попрощался с попутчиками и пошел на выход.

Ступив на перрон, Санька медленно пошел туда, куда шли все приехавшие – к пологой полукруглой лестнице с сильно протертыми за множество лет каменными ступенями. Он не сразу понял, что зовут его.

–Парень, погоди! Ты не Санек, случайно?

–Да, Санек я.

–Из Лесогорска?

–Да, а что?

–Тогда здорово, мужичок! Это же тебя я встречаю! Женька мне точно тебя описал!

–Какой Женька?

–Как это, какой? Женька Вторушин, друг мой боевой! Старшиной был у нас. Лихой матрос!

–Евгений Петрович?!

–Ну да, Евгений Петрович Вторушин, старшина первой статьи. Вместе с ним мы всю войну отслужили здесь, да и повоевать малёха успели. Женька целехонек вышел, а я вишь, каким стал! – с этими словами он постучал черной тростью по ноге. Звук был неживой.

–Ладно, что это я! – спохватился он, – Давай знакомиться. Сергей Степанович Дубков. Будешь звать меня Степанычем. Все меня так зовут, да и я привык к этому. Тебя уже знаю, как зовут. Сейчас пойдём ко мне. Вещи твои оставим и - в училище. Лады?

–Ага.

Поднявшись по ступенькам, вышли на привокзальную площадь. Несмотря на ранний час, жизнь уже кипела. Множество людей шли куда-то. Раздавались автомобильные сигналы, каким-то странным, металлическим стуком звенели, визжали своими стальными колесами по рельсам, трамваи. Санька сразу узнал их по картинкам в учебниках. Длинные, из двух вагонов, с большой дугой над крышей, скользящей по проводам, натянутым вдоль улицы, они шумно двигались по рельсам. Через большие вагонные стекла виден был народ внутри, стоящий плотно, как селедки в бочке. На остановке собралась большая толпа, с боем бравшая входные двери.

–Утро, на работу народ спешит, – сказал Степаныч, – а мы пешком пройдемся. Нам тут недалеко, пара остановок всего на автобусе, да утром не сесть в него. Народ на работу едет, да курсантики на учебу, что по домам живут

И действительно, шли не очень долго. Дорога со старинной брусчаткой постепенно поднималась все выше и выше. По пути Санька с широко открытым ртом смотрел на панораму порта с хищными серыми силуэтами военных кораблей, да черно-белыми пароходами с высокими кранами-гусаками над ними, по обе стороны узкой бухты. Небольшие катера быстро бегали по бухте. Все это сопровождалось